

ЕЛЕНА БАРАНЧИКОВА

Россия

ЭССЕ

140 лет назад умер Фёдор Достоевский, 200 лет прошло со дня его рождения.

Свеча

Если меня спрашивают о Достоевском, я отвечаю: его гений приоткрыл миру бездонные глубины русской трепетной души, которая падает в глубокий колодезь слёз и невыносимых страданий, чтобы потом, найдя в себе силы и сострадание, подняться, окликнуть свою путеводную звезду, чтобы лететь вместе с ней...

– Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие.

Писатель сам наудачу, как это часто делал, открыл его и попросил жену прочесть. Ему открылось Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 14–15: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду»...

– Ты слышишь – «не удерживай», – значит, я умру, – сказал Достоевский.

Его предчувствие сбылось, ощущая приближение смерти, он не боялся её, шёл ей навстречу, успел исповедаться и причаститься, проститься с родными и близкими.

...Горели свечи, дубовый гроб, обвитый цепями гирлянд из еловых ветвей, колыхаясь, безмолвно плыл по Кузнечному переулку, Владимирской площади... по морю людскому, как лодка со спящим, который, кажется, всё слышит и всё чувствует, – к церкви Сошествия Святого Духа в Александро-Невской лавре. На колокольне Владимирской церкви гудел погребальный колокол, вослед неслось перекатами от хора к толпе «Святой Боже». Губы едва слышно шепчут: «Вернись, не покидай!» Но всё тщетно, туда, вперёд... всё дальше отдаляясь от людей, он уходил от мира, плыл в неизбежность...

Февральский снежный саван... веки в слепых слезах, невыразимая русская тоска разлилась, она повсюду и там, вдали, за нашим горизонтом, куда всех нас ведёт дорожка.

Достоевский – это библейская слеза... так плачет искорёженная душа на пути к покаянию, общается с Богом, просит, чтобы слышали небеса. Светлая дорога веры, победа лучшего, что есть в каждом из нас, надежда, выход из греха, это о том, как навечно не остаться погребённым в склепе грешника. Это не о справедливости, а о милости божьей, отчаянной любви к ближнему и всепрощении: «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако...». Бог за руку ведёт в мир божий, через покаяние к вере в святое. Рука спасителя, милость к падшему, рука дающего, на краю пропасти он любит того, кого уже никто не ждёт и не любит в этом мире, кто страдает, кто в отчаянии и всеми забыт. Это наша русская духовность, глубинное сродство душ.

Свеча Достоевского горит по сей день.

Он – есть!

Герой романа Ф. Достоевского Рогожин любил смотреть на картину Ганса Гольбейна «Мертвый Христос в гробу». «Да от этой картины у иного ещё вера может пропасть!» – воскликнет князь Мышкин. «Пропадает и то», — как-то неожиданно согласится Рогожин. С этого начинается в романе «Идиот» их диалог о существовании Бога.

На самого писателя когда-то на выставке в Базеле эта картина, которая являлась частью найденного алтаря, оказала сильнейшее воздействие. Жена, Анна Григорьевна, вспоминала: «Картина произвела на Федора Михайловича подавляющее впечатление, и он остановился перед ней как бы поражённый... В его взволнованном лице было то испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии».

Художник изобразил Христа с необычайным натурализмом, разрушая традицию, писал с обычного утопленника, которого выловили в Рейне. Так его до сих пор никто не изображал. Уже тронутое тленом желтовато-белое тело Христа истерзано предсмертными муками, на нём – печать невыносимой боли и страданий, кажется, нет и следа духовной и телесной красоты, нет ничего возвышенного. Жестокие кроваво-бурые следы пригвождения к кресту, следы от тернового венца на лбу, посмертная зияющая рана от копья Лонгина, немой последний крик из открытого застывшего рта, уже стеклянные глаза, посиневшие конечности... Свершилось предначертанное. Жертвенность, глубокое одиночество, апофеоз смерти не оставляют места божественности, вере в его воскресение.

Но всё же он воскреснет из мёртвых, душа воскреснет из этого тлена ...

«Есть Бог, есть! – закричал, наконец, Достоевский вне себя от возбуждения. В эту самую минуту ударили колокола соседней церкви к светлой Христовой заутрене. Воздух весь загудел и заколыхался.

– И я почувствовал, – рассказывал Федор Михайлович, – что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникнулся Им. Да, есть Бог! – закричал я, и больше ничего не помню».
